

Лян Сяофэй кивнул в ответ. После этого он заговорил о другом:

— Чем ты занимался этим летом, почему не выходил играть в футбол? Лян Сяофэй тоже любил футбол, хотя и не был мастером. Помимо игр с компанией Сун Сияня, он раньше несколько раз играл с одноклассниками. Чжэн Цзыжань славился своими футбольными навыками в школе, и одноклассники не раз предлагали ему присоединиться, но он всегда отказывался.

— Ничем особенным, просто писал задания и читал книги, — Чжэн Цзыжань ответил легко. — В будущем я больше не буду играть в футбол.

Лян Сяофэй широко открыл рот, удивлённый:

— Почему?

Чжэн Цзыжань с серьёзным видом ответил:

— Это мешает учёбе.

— ...Ты считаешь меня дураком? Какая учёба может тебе помешать? — Он вдруг что-то вспомнил. — Это из-за того случая, когда Сиянь поранился?

Чжэн Цзыжань промолчал, лишь слегка улыбнулся, и Лян Сяофэй понял, что угадал:

— Да ну, ты не должен так поступать, это был несчастный случай, понимаешь? У каждого, кто играет в футбол, бывают синяки и ссадины. Бросить из-за этого — это слишком!

Он так и не смог убедить Чжэн Цзыжаня. Проведя весь вечер в грустных размышлениях, сожалея о том, что такой талантливый футболист, как Чжэн Цзыжань, сдался, Лян Сяофэй начал молиться за Сун Сияня, надеясь, что его подростковый бунт скоро закончится, и он вернётся на правильный путь. Иначе как он сможет оправдать все свои и Чжэн Цзыжаня усилия?

С наступлением утра они перешли в следующий класс, и Сун Сиянь стал настоящим подростком-бунтарём.

Первые два месяца учебного года Сун Сиянь вёл себя спокойно. Лян Сяофэй, помня наставление Чжэн Цзыжаня, продолжал следить за ним так же пристально, как и во время каникул, словно установил на него сотню камер. Каждый раз, когда Сун Сиянь уходил с Дин Ляокай и его компанией, Лян Сяофэй, заметив что-то подозрительное, сразу сообщал Чжэн Цзыжаню, и они вместе, словно шпионы, следовали за ними, наблюдая издалека. Однако даже такие усилия не смогли предотвратить неприятности.

В начале третьего месяца учебного года, когда листья начали желтеть, а воздух стал сухим, подростки-бунтари, чувствуя внутреннее беспокойство, устроили переполох.

Один из учеников третьего курса случайно столкнулся с Линь Лэем на дороге, слегка погнув руль его велосипеда. Линь Лэй, с его скверным характером и вспыльчивостью, не стал слушать извинений и сразу же начал ругаться и драться. Хотя парень был старше Линь Лэя на год, он был слабее и после попытки сопротивления всё же получил хорошую взбучку.

Линь Лэй, одержав победу, несколько дней хвастался своим подвигом, пока его не окружила группа третьекурсников у туалета рядом со спортивной площадкой.

Совпадение: Сун Сиянь тоже оказался в этом туалете.

Когда Чжэн Цзыжань, срочно вызванный Лян Сяофэем, прибыл на место, битва уже подходила к концу. Сун Сиянь, благодаря своим навыкам боевых искусств, вместе с изрядно потрепанным Линь Лэем, сдерживал пятерых противников. Однако силы были на исходе.

Первое, что увидел Чжэн Цзыжань, — это как один из третьекурсников вытащил швабру из раковины и бросился к Сун Сияню сзади, пытаясь напасть исподтишка. Не теряя ни секунды, он ворвался в гущу схватки, оттащил ничего не подозревающего Сун Сияня и тут же ударил ногой в сторону нападавшего.

Тот не ожидал, что кто-то внезапно вмешается, и получил удар прямо в грудь, надолго выйдя из строя.

Сун Сиянь был ещё больше удивлён. Его отношения с Чжэн Цзыжанем можно было считать полностью разорванными, так почему же тот решил помочь? В замешательстве он не заметил, как ситуация изменилась благодаря вмешательству Чжэн Цзыжана. Лян Сяофэй, видя, что их меньше, схватил небольшой прут и присоединился к битве. Хотя он не был сильным бойцом, его присутствие добавило смелости. Сражались ещё несколько минут, пока третьекурсники, поняв, что проигрывают, не подобрали своих раненых и не убежали.

Линь Лэй, который в начале драки был в основном мишенью, терпел, но после помощи Чжэн Цзыжана, видя, что ситуация изменилась, воспрянул духом и даже хотел броситься в погоню. Чжэн Цзыжань быстро остановил его.

Остыв, Линь Лэй, корчась от боли, улыбнулся Чжэн Цзыжаню, и его лицо исказилось ещё сильнее:

— Спасибо! Я и не знал, что ты такой мастер! Я думал, Сун Сиянь уже силён, но ты оказался ещё круче!

Эти слова заставили Сун Сияня, который до этого гадал, почему Чжэн Цзыжань ему помог, понять: он просто хотел покрасоваться!

Смешно! Как может Чжэн Цзыжань, занимающийся танцами, быть сильнее его, практикующего боевые искусства? Если бы он не сражался один против стольких, разве оказался бы в трудном положении? И он дрался так долго, измотав их, а Чжэн Цзыжань пришёл в самый последний момент, чтобы украсть его победу. Какая наглость!

Думая об этом, Сун Сиянь хмурился всё сильнее. А Линь Лэй, всё ещё под действием адреналина, не мог драться и продолжал хвалить Чжэн Цзыжана, что только усиливало раздражение Сун Сияня.

Чжэн Цзыжань, отвечая на похвалы Линь Лэя, лишь равнодушно сказал:

— Главное, что все целы.

Честно говоря, он не испытывал симпатии к этому подростку-бунтарю, который был на грани срыва и, возможно, пытался сбить с пути Сун Сияня.

Затем он подошёл к Сун Сияню, чтобы проверить, не ранен ли тот:

— Где-нибудь болит?

Но Сун Сиянь отступил на шаг, хмуро глядя на него. Наконец он фыркнул и, несмотря на лёгкие ранения, гордо ушёл.

Чжэн Цзыжань, глядя на его спину, почувствовал то же, что и Лян Сяофэй — беспокойство.

Место драки было удалённым, и зрителей почти не было. Если бы не постоянное внимание Лян Сяофэя к Сун Сияню, он бы, возможно, ничего и не заметил.

К тому же это была последняя пара — самостоятельная работа, и учителя особо не следили за учениками. Когда прозвенел звонок, участники драки, с ранениями на лицах и телах, опустили головы и быстро покинули школу. Сегодня о происшествии никто не узнал.

Однако, если школа не заметила, дома это не прошло незамеченным. Сун Сиянь вернулся с раной на лице, и уже через десять минут Чжао Линьлань её заметила.

— Ты опять дрался? — Она схватила Сун Сияня за одежду, подтянув его к себе.

Сун Сиянь молча отвернулся, его лицо выражало раздражение. Это разозлило Чжао Линьлань. Она схватила его за подбородок, заставив посмотреть на себя, и гневно спросила:

— Я спрашиваю, ты опять дрался?

Её пальцы были тонкими и изящными, кожа — белой и нежной, но сейчас, сжимая подбородок Сун Сияня, они вызывали у него только отвращение.

— Да, я дрался. И кто меня отправил заниматься саньда? Кто виноват? — Сказав это, он оттолкнул её руку, отодвинувшись.

— Я отправила тебя на саньда, чтобы ты укреплял здоровье, а не чтобы ты бесновался как дикарь, позоря нас! — кричала Чжао Линьлань. — Я тебе говорила: не общайся с этими бездельниками! Не дерись! Ты не понимаешь?

— Дикарь? Разве я не он? — усмехнулся Сун Сиянь. — Ты презираешь хулиганов? А сама когда-то родила меня от одного из них, нет, даже от их главаря. А теперь презираешь их? По какому праву?

Чжао Линьлань замерла, её лицо побелело.

Но Сун Сиянь ещё не закончил:

— Теперь он умер, и ты боишься? Боишься, что я стану таким же, как он, и закончу так же? А ты не думала, что я его сын, и рано или поздно стану таким же...

Раздался звонкий звук пощёчины.

<http://bllate.org/book/16804/1545348>